

ГЛАВА 1

*Авачинская бухта, Камчатский сектор,
4 февраля 1917 года*

Первое, что она почувствовала здесь, — лютый холод. Пароход уже сбавлял скорость, но ветер все равно нещадно обдувал лицо. Резкие порывы вздымали полы длинной стеганой шинели, вихрили раскиданные по плечам темные волосы и без конца пытались сорвать с головы теплую меховую шапку. В онемевшее лицо теперь летели не только колющие брызги воды, но и ошметки снега.

Она сощурилась и раздраженно поджала губы. После тепла каюты этот морозный темный вечер казался еще более суровым и неприветливым. Тяжелое небо нависало низко и растекалось до самого горизонта фиолетовым полотном. А там вдали из сгустившихся сумерек вырисовывались очертания неровного берега и... белоснежные треугольники вулканов. Темнота словно обступала их стороной и только острее вычерчивала снежные склоны. Ей удалось разглядеть три вершины. Целых три! А сколько еще таких гигантов рассыпалось по всему полуострову! Она тяжело вздохнула, надеясь, что ей не придется обследовать их все.

Вид на бухту был, безусловно, красив. Она, быть может, смогла бы им даже полюбоваться, но только при других обстоятельствах. Во время работы для окружающих красот просто не оставалось места.

Пароход дал низкий гудок, в ночной воздух вырвался новый поток черного вонючего дыма, и где-то в глубинах этой неповоротливой и уже порядком осточертевшей машины что-то глухо и недовольно задрожало.

— Прибываем! — раздался тихий голос рядом с ней. — Авачинская бухта.

Она молча кивнула. «Наконец-то!» — облегченно пронеслось в голове.

Машина двигалась все медленнее, взрезая холодные волны и раскидывая по сторонам хрупкие плавучие льдины. Огоньки берега размножились и горели теперь ярче. За плеском волн и гудением парохода слышались хриплые крики чаек и прерывистый лай морских котиков. Она кинула быстрый взгляд за борт и то ли вправду увидела, а то ли придумала себе мелькнувшее в воде толстое тело одного из них.

Полуостров вырастал перед пассажирами, выплывая из темноты покатыми заснеженными склонами и низкими, едва заметными домишками, из труб которых поднимался дым. Слева от бухты вздымались в небосвод острые пики гор, а впереди за холмами городка белели силуэты величественных вулканов.

Она почувствовала оживление команды. Как же им не терпелось сойти на землю. И не терпелось избавиться от... нее. За все время пути они так и не привыкли к ее присутствию. И ее виду, конечно, тоже. Она так и не поняла, что волновало их больше всего — штаны на девке или ее черная, расшитая золотыми нитями форма. Рукава ее шинели были увиты красивыми, но бессмысленными

узорами. Медные пуговицы, застегнутые до самого горла, блестели в свете фонарных огней. А на спине, от плеча до плеча, раскинул золотые крылья двуглавый орел — герб священной Российской империи. Даже на круглой каракулевой шапке, то и дело поднимающейся от любого движения, золотился имперский значок.

Высший жандармский отдел, теневой корпус. Слуги императора, вершители закона — так их называли на светских вечерах. Императорские псы, нюхачи или просто тенивики — так их звали среди народа. Она уже давно перестала принимать обидные прозвища близко к сердцу. И уже давно устала доказывать, что полиция императора создана не для устрашения, а для защиты каждой, даже самой жалкой и никчемной жизни.

Люди, конечно, веками страшились всего странного и неизвестного, а потому и недолюбливали теневой жандармский корпус. Но все-таки... Она никак не могла взять в толк, отчего ее поливают за спиной грязью, а после слезно просят разобраться в непонятном и загадочном убийстве. Забавно, как быстро меняется мнение, стоит тенивикам взяться за очередное расследование. И забавно, что их никогда и нисколько не пугают действия Магистрата. Вот он-то действует во благо народа, говорили люди. Он-то помогает им проживать каждый новый день! А кто поймет, что у этих аристократов на уме? У императоров, князей да их верных псов. Особенно когда последних всегда окружает пугающая аура смерти.

Пароход медленно развернулся черным боком к вытянутому причалу, испустив последний громкий гудок. Послышались голоса вахтенного и матросов, и с двух концов судна полетели вниз швартовые концы. Команда завожилась, откуда-то с земли раздалась недовольные

крики, заскрипел металлический трап, и рядом с ней раздался низкий голос капитана:

— Приехали, госпожа, Петропавловский Порт. — И через паузу неуверенно добавил: — Добро пожаловать, что ли.

Она вымученно улыбнулась в ответ, поблагодарила за комфортное путешествие и, подхватив свой небольшой саквояж, направилась к трапу. Все это она проделала будто во сне, используя привычные и пустые фразы, хватаясь за поручни, прожигающие холодом даже через перчатки, и ступая наконец на твердую землю. За спиной практически осязаемо разлилось облегчение команды, и голоса зазвучали куда веселее и бодрее прежнего.

Она не успела даже оглядеться, как перед ней выросла широкоплечая, укутанная в меховое пальто фигура, выше нее на целую голову, и, забавно расшаркавшись, выпалила:

— Приветствуем на Камчатке, госпожа! Позвольте ваши документы. У нас тут, знаете ли, все чинно, строго. Всех проверяем.

— Даже императора бы проверили? — усмехнувшись, спросила она.

Мужчина чуть замялся, губы под его густыми усами напряглись, а потом он уверенно кивнул:

— Даже императора. Приказ Магистрата как-никак!

Она задумчиво посмотрела на портового. Вот оно что, приказы Магистрата уже важнее императорских? Но спорить не стала, молча подала паспорт и отвернулась, пытаясь разглядеть город и вулканы у него за спиной.

— Евгения Александровна Стецкая, двадцати девяти лет от роду, — громко прочитал мужчина и поднял глаза на девушку. — Все так?

Она даже не сразу отозвалась. Не успела привыкнуть к новому имени. Сколько их у нее было, и не сосчитать! А настоящее давно уже стерлось из памяти.

— Если скажу нет, скинете в воду? — с очередным смешком спросила она. Но портовой шутки не распознал и нахмурился.

— Отвечайте по всей форме! — строго велел он, хотя голос на последнем слове все-таки дрогнул.

«И с каких это пор они смеют допрашивать теневого жандармов?» — возмущенно подумала девушка, но ответила ровным голосом:

— Все верно.

Мужчина довольно кивнул и передал паспорт его хозяйке.

— Куда изволите поехать? — спросил он, безуспешно пытаясь добавить голосу гостеприимные нотки. Напряжение сквозило в нем слишком явно. — Отдыхать или сразу в штаб?

— В штаб, — велела она. — Иначе, я боюсь, пока мы тут занимались чепухой, где-то уже объявился новый мертвец.

Портовой тут же побледнел и, бормоча что-то о страшных временах, быстро повел Евгению с причала на большую землю. Его невнятную речь она не слушала и даже не пыталась выказать интерес. Работа здесь предстояла долгая и не самая приятная, и девушка мысленно молила богов о силе и терпении.

Когда они наконец сошли с длинного обледенелого причала на твердую землю, она не удержалась от вздоха облегчения. Перед ними в свете пары зажженных фонарей блестел черный автомобиль. Вот уж чего она не ожидала увидеть в такой глуши! В Петербурге машин

появилось немало, особенно после того как император, следуя уговорам Магистрата, ввязался в эту глупую, бессмысленную войну. Разумеется, машины пока оставались роскошью, однако приближенному ко двору жандармскому корпусу они уже давно не казались диковинкой. Но чтобы здесь!

Местный автомобиль так и сверкал полированными боками и золотым гербом на дверцах. Огромные колеса, запорошенное снегом ветровое стекло и ярко горящие фары, напоминающие чьи-то выпученные глаза. Их блеклый свет желтыми тропинками падал на дорогу и придавал всему окружению странный налет призрачности, будто все они враз оказались во сне.

Она с огорчением отметила, что боковых стекол в машине нет и только плотные шторы защищают экипаж от ветра и снега.

— Прошу, госпожа, — с неприкрытым довольством произнес мужчина, — нарочно для вас из гаража вывели. Дорогу для вас всю раскидали дочиста, доедете до штаба мигом!

Он с улыбкой похлопал по черной дверце автомобиля.

— Он у нас один такой на весь сектор, — его голос так и звенел гордостью, и глядел он на машину с такой отеческой любовью, что Евгения и сама не сдержала улыбки. — Магистрат поспособствовал.

Ее улыбка тут же угасла. Опять! Надоело слушать!

— Поехали! — велела она и, не дожидаясь помощи, сама открыла дверцу и легко запрыгнула в кабину.

Портовой опешил. Он-то приготовился сделать все чинно, благородно, чтобы не посрамиться перед столичной гостьей. А та, словно мужик, сама закинула на сиденье свой саквояж, да и руки не подала. «Ну их, этих теневиков!» Он махнул рукой и подал знак водителю.

— Езжай давай! В штаб госпожу вези!

Водитель, которого насилу уговорили отправиться за жандармским инспектором, не посмел даже глаз повернуть в ее сторону, пока портовой нахваливал автомобиль. Он и водил-то его лишь однажды, когда Магистрат велел показать свой подарок всему городу. Никакие машины им тут были не нужны. Зачем? Городок-то маленький, кругом сугробы одни. Игрушка, да и только!

Машина затряслась на ухабах и покатила вверх по холму. Девушка чуть отодвинула шторку и бросила последний взгляд на порт. Вода покрывалась рябью, тут и там мелькали белые осколки льдин, а над причалом и парходом кружили голодные чайки. Их крикливый гомон сделался громче, и они все чаще бросались вниз — видимо, почуяли свежую наживу в руках матросов.

Она закрыла шторку, откинулась назад на жестком сиденье и прикрыла глаза. Промокшие от брызг и снега волосы мерзко липли к лицу и падали на плечи влажными патлами. В носу все еще стояли запахи гари и машинного масла, и казалось, что ими пропиталась вся одежда. Как же она устала! Сначала поезд, бесконечно несущийся через поля, а затем долгое путешествие по Тихому океану. Ее продолжало покачивать, хотя движение парохода на борту практически не ощущалось. А теперь еще и эта работа, грязная и, без сомнения, не сулящая ничего хорошего.

Резкий толчок и последовавшая за этим тишина заставили ее удивленно открыть глаза. Неужели уже приехали? Сквозь ветровое стекло в сгустившейся темноте проглядывали очертания старого деревянного здания. Над обшарпанной дверью с вырезанным двуглавым орлом качался одинокий фонарь, в свете которого мирно порхали снежинки. Не успела она задать вопрос, как

на пороге тут же возник человек, укутанный в тулуп и длинный плотный шарф по самые глаза. Он сощурился под светом фар, прикрыл глаза рукой и побежал к пассажирской дверце. Спустя мгновение та распахнулась.

— С приездом, госпожа! — вырвался из-под воротника приглушенный голос. — Мы вас очень ждали! Благо наше прошение услышали! Да восславятся духи и боги, как мы вас ждали, госпожа инспектор! Вы сходите-сходите, не стесняйтесь! Мы уже и самовар поставили. Вы небось околели совсем? У нас там тепло, оттаеете, не боитесь! Спускайтесь-спускайтесь!

Девушка немного замешкалась от такого напора и не успела и слова сказать, как крепкая мужская рука стащила ее из машины. Она покачнулась, потеряв равновесие, и невольно ухватила за плечо незнакомца.

— Совсем вас ноги не держат, госпожа! Оно и понятно, дорога-то неблизкая. Ничего, откормим, отпоим вас сейчас! А вещички ваши?.. А, вижу! В темноте совсем затерялись. Я, знаете ли, уже глазами ослабел чутка, но дела все равно держу крепко! У нас тут в городке так-то порядок всегда...

Он не умолкал ни на мгновение, вызывая в девушке усталое раздражение. Она отошла, позволяя ему вытщить саквояж, и осмотрелась. Здание штаба тонуло в потемках. Одноэтажный деревянный домик, в двух окнах которого приветливо горел свет. «И это штаб главного жандармского корпуса?» — с неудовольствием подумала она. Повернулась налево и обомлела. За машиной, шагах в десяти от старого дома, возвышалось величественное здание Магистрата. Трехэтажное, каменное, с позолоченным куполом и белоснежными стенами. С этого места можно было разглядеть здание только с торца, но девушка не сомневалась: парадные двери

у него резные и массивные и на них ярко горит большая буква «М».

Евгения снова перевела взгляд на приземистый полуразвалившийся штаб и угрюмо подумала: «Безобразие!»

— Пойдемте-пойдемте, госпожа, не робейте! — затораторил мужчина и хотел было ухватить девушку за локоть, но тут же одернул себя, чуть поклонился и молча указал на дом. — Пожалуйте! — И уставился на нее внимательным взглядом.

То ли устыдился своей бесцеремонности, то ли оробел, вспомнив, с кем имеет дело, но он вдруг весь будто стусебался и проводил гостью ко входу в полном молчании. Где-то вдали залаяла собака, ее тут же поддержали звонкие голоса целой своры, а потом прокатился и гневный мужской окрик. Со стороны бухты доносились птичьи крики, всплески волн, и этот шум становился в ночи словно в разы громче, а в остальном город утопал в тишине и поднимающемся едва ли не до самых крыш снеге.

— У вас тут... спокойно, — произнесла она, еще раз оглядывая окрестности и подходя к крыльцу.

— Ну так... городок небольшой, тысячи полторы жителей, не больше. Что нам тут шуметь? За день уж нашу-мелись!

Поднажав плечом, он гостеприимно распахнул дверь перед девушкой, и на улицу вырвались теплый воздух и приятный густой аромат съестного. Она невольно пригнулась. «Рыба?» — пронеслось в голове. Желудок судорожно скрутило. Ужинала она давно и не слишком-то сытно. Дорожный паек был скудным, да и компания за столом, взирающая на тебя с опаской и неприязнью, не слишком разогревала аппетит.

Мужчина провел ее в небольшие полутемные сени. Девушку окутало приятное тепло, лицо и пальцы закололо мелкими иголочками. Она сама стянула с себя шинель, скинула шапку и повесила их на маленький металлический крючок. Упираясь о дверной косяк, стащила тяжелые сапоги на меху и с удовольствием пошевелила затекшими усталыми ступнями.

Мужчина все это время нервно крутился рядом, то пытаясь помочь, то одергивая руки. Потом, справившись с растерянностью, поставил ее саквояж на пол и принялся разматывать бесконечные узлы своего шарфа.

— Вы проходите, госпожа, проходите! — промычал он откуда-то из их недр. — Пол тут не шибко теплый, в комнате оно лучше будет. Покушать вам сейчас поставим. Федька! — вдруг заорал он куда-то вглубь дома. — Тащи сюда сво... Прошу прощения, госпожа, — осекся он. — Сюда... в общем, иди!

Евгения Федьку дожидаться не стала и, с силой дернув на себя тяжелую деревянную дверь, вошла в комнату. Жар тут же обступил ее со всех сторон. Белую печку, уютно пристроившуюся в углу, распалили не на шутку. Девушка прошла вперед, и деревянный пол, укрытый чьей-то темной пушистой шкурой вместо ковра, скрипнул под ее ногами. Она осмотрелась. На маленьких окнах висели кружевные занавески, возле печи, покосившись на один бок, стоял приземистый зеленый диван. Перед ним — тяжелый массивный стол, на котором блестел разгоряченными боками медный самовар. Чуть ближе ко входу, напротив окон, стоял еще один стол с выдвижными ящиками и кипой разбросанных бумаг. А над ним висела разноцветная карта Российской империи. Евгения с легкой улыбкой пробежала глазами по всем секторам с восточного края до западного.

Вот полуостров Камчатского сектора, самый маленький из всех. Выше — Чукотский. Слева и ниже от него — Дальневосточный, тянувшийся до самого Японского моря. Затем от Читы и до Салехарда гигантский Сибирский сектор с его непроходимой тайгой. А под ним уютно расположился Алтай с не менее дикими и затаенными уголками.

Она перевела взгляд дальше, на Урал, на Полозовы земли с горными пиками хребтов и малахитовыми секретами. За ним от Костромы до Белгорода широко раскинулся Срединный сектор, с его равнинами и древней Москвой. Выше — Имперский, со столичным Петербургом. И Северный, от Вологды до Мурманска.

Взгляд ее снова скользнул вниз на Поволжский сектор с древней рекой и бесконечными степями, Южно-морской, с виноградом и шумным портом, и Эльбрусский, с его традициями и законами гор.

Она успела побывать во многих секторах, а вот на Камчатском оказалась впервые. Все сектора отдавали дань своим местным духам и богам, каждый из которых имел свой непростой нрав. Неудивительно, что центры Магистрата располагались не только во всех секторах, но и во всех крупных городах империи. Кто еще, кроме магов, сможет усмирить и задобрить силы иного мира?

Дверь скрипнула, и на пороге возникло сразу двое. Мужчина с колючей заросшей бородой и добрыми глазами, вокруг которых собирались морщинки, и парнишка лет двенадцати, не больше. Он трясущимися руками держал деревянный поднос с чем-то круглым и укрытым полотенцем и таранился на нее со смесью ужаса и восторга. Девушка не удержалась от смешка. Еще бы, черный с золотом мундир, мужские ватники вместо юбок

да герб, расшитый во всю грудь. Когда бы он еще увидел подобное зрелище?

— Двигай, двигай, Федька! — скомандовал мужчина и подтолкнул парнишку вперед.

Тот едва не споткнулся и с трудом удержал поднос. Полотенце съехало, открывая золотистый бок свежего пирога.

— Кушать пожалуйста, госпожа, — пригласил мужчина.

Сам он тащил в руках огромный чугунный горшок, от которой ощутимо тянуло наваристым рыбным супом. У Евгении аж слюнки потекли.

Она незамедлительно присела на диван, без всяких церемоний придвигая к себе тарелку. Парнишка осторожно поставил на стол поднос и, не спуская с гостьи глаз, медленно попятился. Мужчина же тяжело бухнул горшок и снова заговорил:

— Мы тут вам разного наготовили. Вот уху попробуйте, такой нигде больше нет! Кижуч тут, свежевыловленный, и воду мы особую используем, талую. Пирог вот еще, тоже с рыбкой. У нас тут ее много, спасибо богам и духам! И чай наваристый, крепкий, с травами — после дороги вам самое то! Сейчас еще Федька — что ты встал-то! А ну бегом неси! — принесет варенья. Клюква там наша местная. И чуть не забыл! — он хлопнул себя по лбу. — Мы еще и толкúши вам наварили!

Она вскинула брови:

— Что это?

— Толкуша-то? Так это каша из рыбы и ягод. Очень полезная, госпожа! Для молодости и здоровья!

— Из рыбы и... ягод? — она постаралась не скривиться, представив себе такое сочетание.

— Попробуйте обязательно, госпожа! Сейчас принесу вам. Там кета, жирная-прежирная, брусничка да кедровые орешки. Никакая болезнь вас не возьмет!

Он уже было развернулся, чтобы отправиться за кашей, но охнул и произнес:

— Госпожа инспектор, прошу прощения ради всего святого! Я же вам и не представился!

Она хмыкнула:

— Как и я. Не успели мы с вами познакомиться. Евгения Александровна Стецкая, — произнесла она, по-мужски пожимая ему руку. — А про вас я и так все знаю. Белоусов Александр Дмитриевич, начальник жандармского корпуса Камчатского сектора и автор тридцати двух прошений в Петербургский теневой корпус с просьбой расследовать магическое убийство. Все так?

— Так, госпожа. Все так! Вещи у нас тут нехорошие начались. Как узнал, сразу в Магистрат бросился, чтобы они теневик... теневому корпусу мои прошения отправили. Телеграф-то только у них и есть, в Магистрате-то, да почта раза два за год на пароходе приходит. Да и понятно, что, кроме вас, госпожа инспектор, никто с этим не разберется.

— Ладно уж, — она отмахнулась, больше не в силах игнорировать ароматный пар, исходящий от чугунка. — Посмотрим, что у вас тут.

«Но сначала я съем все, что только влезет!» — с какой-то детской радостью подумала она.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)